

Глава 1

РАЙ И ЕГО ХИЩНИКИ

Тревизо, 1547 год

Жесткая рука схватила за ворот камизы и рванула назад так, что затрещали дешевые нитки.

— Спешишь, висельник? — пророкотал хозяин в самое ухо Пеппо. — Попробуй только за старое приняться! Пальцы клещами повыдергиваю, как редьку!

Ответная грубость леденцом звякнула о стиснутые зубы, и Пеппо кротко пробормотал:

— Да господь с вами, мессер, и в мыслях не держал...
А хозяин пнул его в спину, почти выталкивая за порог.

— Гляди мне, поганец малолетний! — рявкнул он напоследок, но вопль этот осколками разлетелся о захлопнувшуюся дверь, и Пеппо, не сдерживая ухмылки, сбежал по ступенькам. Вскинул голову, подставляя лицо солнечным лучам, потянулся было опустить засученные рукава, но тут же поморщился и поддернул их повыше: рукава давно были коротки.

Привычно огладив ладонью стену, подросток двинулся по улице. Что там рукава... От хозяйских повадок скоро вся рубашка пойдет на лоскуты. Впрочем, до зимы и без рубашки не пропадешь. Куда важнее, что он сдержался и не нагрубил хозяину в ответ. Он слишком долго ждал этого дня, чтоб просидеть в мастерской под замком. Дзинь!

— Да чтоб ты скис, лахудрин сын!

Погруженный в раздумья, Пеппо наткнулся на торговку посудой, вывернувшую навстречу из-за угла. Несколько мисок оглушительно грянулось о мостовую и сейчас радостно вертелось, рассыпая звонкое медное стаккато.

— Простите, донна... — процедил Пеппо, наклоняясь и подбирая миски. Выпрямился, украдкой шире распахивая глаза. Торговка вырвала посуду из его рук.

— Э! Сгинь! Прочь глазищи, ирод! — взвизгнула она, поддерживая лоток левой рукой и широко крестясь.

— А это за «лахудрина сына», — вкрадчиво пояснил Пеппо и двинулся дальше. Позади послышался плевок.

— Дурноглазый! — ударило в спину.

Подросток не обернулся. К бесам всех... Сегодня ничто не испортит ему день. Даже нападки горожан. Даже отхлестанные с вечера плечи, к которым до сих пор гадко прилипает камиза. Он пообещал себе это еще на рассвете, когда под куполами Собора ударили колокола, во весь голос возвещая о наступлении праздника Святой Троицы. Воскресенье. День, чтоб распрямить спину и вволю хлебнуть ласкового ветерка, несущего с каналов гниловатый запах разогретого ила.

Пеппо любил маленький провинциальный Тревизо почти так же сильно, как ненавидел его обитателей. Город был ему другом, верным и надежным. Все в нем — и выщербленные камни криво замощенных улиц, и густая зябкая тень, гнездящаяся среди тесно выстроенных домов, и вечная сырость — все было знакомо, понятно и незыблемо.

В обычные дни городок походил на улей, вибрирующий ровным рабочим гулом. Разве только пчелы на лету вряд ли горланили песни и похабно ругались.

Но сегодня никто не собачился понапрасну. Мастерские были закрыты, а лавки работали едва ли не с ночи.

Веселые толпы простонародья в выходном платье, еще хранящем складки и душный запах сундуков, клубились на улицах и площадях. Повсюду было вдоволь дешевого вина, траттории источали дурнотно-упоительный запах мяса и трав, и каждый час с соборной колокольни несся благовест, отчего-то заставляя душу шальной птицей взметнуться к небесам.

Пеппо сбавил шаг, всходя на шаткий мостик и отводя от лица прохладные плети старой ивы, нависающей над затянутой зеленою водой. Под ногой хлопнула третья доска. Вот черт, недавно хлопала только шестая. И в узоре трещин на ветхих перилах наметилась новая. Надо перестать здесь ходить, не ровен час, провалишься.

Но до места уже было рукой подать. Еще две извилистые улочки, и стали слышны звон колоколов, скрип телег и гвалт веселых голосов. Ноги оскальзывались на гниющих остатках овощей, упавших утром с подвод и раздавленных колесами и копытами.

Последний поворот сдернул с лица тень переулка, и ярмарочная площадь обрушила на Пеппо тугую волну оглушительного гомона и резких запахов. Здесь переплетались свежий аромат хлеба и радостный дух базилика, терпкие ноты дубовых винных бочек, сыромятных кож, нового полотна, и все это привычно сдабривалось зловонием навоза и слитой наземь крови из мясных рядов.

Остановившись у стены, Пеппо замер, вливаясь каждой клеткой своего существа в этот бестолковый, шумный, изобильный мирок. Пора было приниматься за дело...

* * *

Это был рай. Отвратительный, зловонный, ошеломляюще-прекрасный рай. Башмаки мерзко чавкали по загаженной мостовой, а над головой взметались старин-

ные крепостные башни, будто прямиком из пасторских книг.

Здесь повсюду были плесень и мох, сор плавал в бурой воде пахнущих гнилью каналов, а неколебимая твердыня церкви Сан-Николо вонзала шпиль в самые облака, сияя на солнце светлыми гранями древних стен.

Здесь люди были злы и суетливы, как лесные муравьи, а на утренней мессе Гodelот впервые слышал настоящий хор, коего отроду не бывало в тесной и полутемной ловушке его родного графства.

Здесь улицы кишели ворами, нищими и прочим отребьем, а лавки ломились от изобилия товаров, о существовании которых сын наемного солдата и не подозревал.

Здесь девушки одевались так, как ни одна крестьянская красотка не нарядилась бы и на собственную свадьбу, а на площади у колодца Гodelот даже увидел самую настоящую девицу легкого поведения, о которых доселе слышал лишь от отцовских однополчан.

За свои немалые годы — а Гodelоту давно сравнялось семнадцать — он еще не бывал в городе.

Но сегодня настал великий день. Гарнизонный капрал Луиджи, славный, хотя и люто скупой тип, отрядил юнца в Треviso с поручением. Вручая Гodelоту жидкий кошель, он путано и высокопарно вещал о долге перед синьором. Но даже ошеломленный восторгом паренек не сумел себя убедить, что покупка тюка арбалетной тетивы сойдет за эпический подвиг.

Гodelот упивался оказанным ему доверием, хотя скрипучий голосок на задворках ума и подсказывал, что дело пустяковое и воякам постарше неохота тащиться в Треviso, когда его светлость граф уже приказал в честь Троицы заколоть телка. Куда сподручнее отослать с безделицей непутевого мальчишку-иноземца.

А посему в то ослепительное воскресное утро Годелот, порядком захмелевший от впечатлений, неспешно пробирался в ярмарочной толчее. Он зря опасался показаться неуклюжим в незнакомом месте — в этом вертепе все следили лишь за своими карманами, и никому не было дела до долговязого паренька в сером колете.

Все же не зря он так истово гнал казенного коня... Оружейные мастерские откроются только завтра, а сегодня у него целое воскресенье, чтоб прогуляться в этом удивительном месте и как следует поглазеть на городские чудеса. Отец даже расщедрился на пару медяков, и не выпить глоток вина — это сущее неуважение к светлому празднику.

* * *

Пеппо неспешно скользил в толпе. Солнце катилось к зениту, винные бочки не оскудевали, и ярмарка шумела все щедрей и заливистей. Самое время...

Слева у лабазов крестьянин грузит на подводу гулкие пустые ящики. У него был удачный день. Он пьян и благодушно-рассеян, поэтому то и дело роняет ящики наземь и разморенно бранится без всякой досады. Только вот незадача — селянин с семьей, его жена что-то сварливо бубнит, сидя на козлах. Не подберешься. Жаль.

Под беззаботный фруктовый хруст и полотняный шелест мимо прошла девица. Вот почти задела его плечом, так близко, что Пеппо ощутил молочный запах кожи вперемешку со свежим духом яблока. Пощекотала щеку любопытным взглядом, будто пером провела...

А вот и другой взгляд иглой ткнул под лопатку. Этот совсем другой, колючий и недобрый.

А справа накатил новый запах, тяжелый дух больной плоти, нищеты и отчаяния. Пеппо невольно вздрогнул,

сворачивая в другой ряд, и вдруг заметил: вот оно. Простецкое сукно, чистая камиза, сено, лошадиный пот, легкий душок вина. Не горожанин. Постукивают на ходу ножны — служивый, подвыпивший и недалекий. Да-да, иначе не слышалось бы при каждом шаге тяжкого звяканья монет. Кошель бестолково висит у пояса, а в той мошне, судя по упоительному тону, не меньше пяти серебряных дукатов. Превосходно. Внимание, сельские олухи имеют наивную манеру то и дело хвататься за кошель. Вот резкий звяк, а потом снова мерное побрякивание. Еще два шага. Пеппо едва заметно повел кистью, и меж пальцев возникло узкое лезвие.

* * *

Разморенный жарой и вином, Гodelот шагал по рядам. Усталость ли сказалась или просто пресыщение новизной, но шум и зловоние города начинали раздражать. Пора было выбираться из толчеи, а еще лучше сразу раззнать, где в городе оружейная мастерская, чтоб завтра не плутать. Уж здесь наверняка можно выяснить что угодно.

Привычно ощупав кошель, Гodelот огляделся в поисках приветливого лица. И тут в двух шагах взгляд случайно зацепился за напряженный прищур темных глаз, словно ищущих защиты от яркого полуденного солнца. Гodelот почти бессознательно отметил этот странный ускользающий взор, когда обладатель его вдруг оступился, неловко взмахнул рукой, ища опоры, и вцепился кирасиру в плечо.

— Ох, простите великодушно! — Смуглое лицо вспыхнуло, ссутулились плечи, будто ожидая удара, а на дне глаз коротко блеснуло что-то неуловимое, чего Гodelот не успел объяснить. Он лишь снова машинально хлопнул по кошелью и безошибочно схватил узкую крепкую кисть.

— Ублюдок! — взревел кирасир, выворачивая карманнику руку.

Но в ладонь жгучей болью впилося холодное жало, выплюнутое пальцами вора. От неожиданности Гodelот выпустил руку мерзавца, а тот угрем всосался в толпу, мгновенно растворившись в ней и оставив бранящегося солдата изливать ярость у ближайшего прилавка.

Не без удовольствия послушав цветистую ругань, дородная торговка покачала головой, и ленты ее чепца неодобрительно заколыхались в такт:

— Будет тебе, служивый, чертей тешить. Сам виноват, тут тебе ярмарка, а не церковь. Тут и ногу отдавят, и маслом обольют, и еще чего похуже. А ты уж сразу в крик, да еще руку парню заламывать! Ты позлобишься — и забудешь, а ему руки — хлеб насущный. Не хорошо.

— Хлеб насущный?! — снова взвился Гodelот. — Едва кошель не срезал, да еще ладонь располосовал, шлюхин сын! Нехорошо... Ваша правда, уж куда хуже!

Бледный от злости, он искал по карманам заваливавшуюся тряпицу, с отвращением чувствуя, как теплые капли пробираются под рукав.

Но тетка насмешливо поджала губы:

— Кошель? Он-то? Да куда ему, убогому, прости господи!

Кровь тем временем остановилась сама, и Гodelот, все еще пылая негодованием, нехотя признал, что обокрасть его не успели, как ни уверен он был в злых намерениях мерзавца со странным вертким взглядом. А посему следовало прекратить кудахтать о своих и так не слишком лилейных ладонях и вспомнить о деле.

— Ладно, бог с ним! — Гodelот постарался принять беззаботный вид и натянуто улыбнулся. — Научите лучше, где мне отыскать оружейную мастерскую.

...Остаток дня кирасир потратил на праздничатание вдоль каналов и узких улочек в поисках новых чудес. Вас едва ли прельстили бы полутемные захламленные лавчонки, шумные траттории с подгнившей соломой на полу и грязные балахоны бродячих артистов. Но если бы вы украдкой заглянули в прошлое Гodelота, то его полудетский восторг перед сомнительными городскими чудесами вовсе не показался бы вам странным.

Называя юнца кирасиром, автор бессовестно грешит против истины, стремясь ублажить мальчишеское самолюбие героя. Ибо в отряде, где тот оказался девяти лет от роду, он не числился ни в каком звании, жалованья не получал и даже ни разу не надевал полного доспеха. Однако графский гарнизон почти сплошь состоял из бывших латников, считавших Godelота кем-то вроде общего ученика и прочивших его в героические ряды тяжелой кавалерии, обучая уже порядком устаревшим рыцарским боевым приемам.

Отец Godelота, шотландец Хьюго Мак-Рорк, бежал из родной земли от беспорядков, бушевавших в Шотландии еще со смерти короля Якова Первого. Хьюго, потомок захудалого, но оттого не менее воинственного клана, отличался гордостью, вспыльчивостью и необузданным нравом.

Рано осиротев, он не имел ни одного сердца, которому грозило быть разбитым его смертью. А посему бесшабашный горец щедро расточал бьющую через край молодость во всевозможных военных авантюрах.

Никакой склонности к политике Хьюго не имел, зато всегда питал любовь к хорошей драке. Именно эта слабость в злосчастный день привела Хьюго под знамена заговорщиков графа Джона Леннокса¹, хотя и тогда ему

¹ *Джон Стюарт, граф Леннокс* (ок. 1490—1526), сторонник короля Якова V, убитый при попытке освобождения несовершеннолетнего короля из заключения в Эдинбургском замке.

было мало заботы, чей именно лоб отяготит корона. Но, когда заговор провалился, политическое равнодушие шотландского сорвиголовы не помешало объявить его государственным изменником.

Однако верные сторонники Леннокса, не дрогнув, один за другим взошли на плаху, а Хьюго решил, что не готов сложить голову за чужое, пусть и правое дело. Отсидевшись после облавы в сыром и укромном лесном овраге, Хьюго выбрался из окрестностей Эдинбурга и вскоре покинул страну.

Странствия его, пусть и весьма многотрудные, не имеют значения для нашего повествования. Судьба или, скорее, неумная натура долго швыряла его по свету туда и обратно в поисках приключений. Злые языки утверждают, что большую часть этих скитаний Хьюго провел то ли в разбойничьей шайке, то ли в экипаже пиратского судна, но я не стану повторять сплетен.

Наконец, нажив немало врагов и дважды чудом избежав виселицы, беглец очутился в терзаемой распрями Италии. Какая извилистая тропа привела его в этот край — он затруднился бы ответить, но там в жизни неугомонного шотландца произошел крутой поворот. Завернув в небольшое сельцо под Феррарой, чтобы подковать лошадь, он встретил крестьянскую девицу по имени Терезия и был наповал сражен ее неброской красотой.

Отца девицы вовсе не обрадовал шанс породниться с тридцатидвухлетним головорезом иноземных кровей. Но здесь имелась заковка: семья Терезии была бедна, а Хьюго, наряду с первой сединой и орнаментом из шрамов, обладал небольшим состоянием, хотя и не любил рассказывать о его происхождении.

Словом, родня девицы сдалась, и ошалевший от восторга Хьюго женился на Терезии, с которой и прожил в безоблачном счастье двенадцать лет.

Однако судьба, как пятилетний ребенок, не умеет возиться с чем-то подолгу, и печась об авантюристе ей наскучило. Терезия захворала тифом и умерла, оставив Хьюго незаживающую сердечную рану и девятилетнего сына Гodelота.

Мальчик уродился настоящим шотландцем, унаследовав от матушки-итальянки лишь пламенные темно-карие глаза. Отцовский непоседливый нрав и склонность к риску щедро проявились в ребенке с самых ранних лет. Однако Хьюго, памятуя о собственной бурной юности, решил сразу пустить энергию отпрыска в правильное русло. Измученный тоской о жене и тревогами о Гodelоте, он распрощался с немногочисленными родными покойной Терезии, забрал сына и отправился в провинцию Венето, где завербовался в наемники к мелкопоместному графу, определив мальчика в гарнизон барабанщиком.

Новый синьор был человеком с причудами: он непременно желал иметь собственный военный отряд, хотя маленькое графство было местечком до скуки мирным. Власти же не поощряли подобных причудей, ибо кто мог сказать, куда завела бы и так беспокойную страну склонность каждого провинциального аристократишки заводить собственную армию. Поэтому три десятка вояк, игравших роль графского гарнизона, в реестрах значились охотниками и сторожами, вели размеренную сытую жизнь и совершенно не беспокоились о том, к какой должности приписаны на бумаге.

Меж тем Гodelот подрастал, и отец замечал все больше странностей в характере сына. По-отцовски вспыльчивый и азартный в драке, мальчик вдобавок был смышлен, любопытен и вскоре напросился в ученики к пастору. Поначалу порадовавшись за отпрыска, на удивление быстро выучившегося грамоте, Хьюго заметил, что поторопился с восторгами.

Мальчишка завел фасон читать все подряд без всякого разбору. Нахватался дурацких идей, вроде той, что тело, содержащееся в чистоте, менее подвержено хвори. А ведь любой здравомыслящий человек легко сообразит, что вымытая кожа все одно что голая, а значит, беззащитна перед любой дрянью.

Набравшись пагубной книжной пыли, Гodelот стал не-сносен в споре, ибо о каждом предмете возымел собственное мнение, часто звучащее сущей ересью.

Хьюго, любящий сына грубоватой, но искренней любовью, за голову хватался, очередной раз заставая его за беседами с пастором и чудаком-лекарем. А тот, к слову сказать, дела своего не знал, поскольку вместо того, чтобы похлопотать о юношеской придури мальчугана, лишь потакал его причудам и даже водил в свой оплот черно-книжья в одной из полуподвальных камер.

Не подумайте, что Гodelот слыл сумасшедшим. Для своих лет он ловко управлялся с палашом, исправно нес караулы, к мессе не опаздывал, но и в ядреном речевом похабстве толк знал, а посему в гарнизоне считался парнем свойским. А что спутал чего господь в неокрепшем разуме — так то бывает. Вон и шестипалыми некоторые рождаются...

Но Хьюго не терял надежды, что сын образумится, и потолковал с Луиджи. Сам шотландец городов повидал вволю и таил чаяние, что после нескольких дней в зловонном каменном вертепе Гodelот вернется отрезвевшим и бросит всякую безбожную книжную галиматью.

...Сам же виновник отцовских дум не подозревал о надеждах, возлагаемых батюшкой на целительную силу суровой реальности. Сегодня, вновь готовый к открытиям, он пробирался по лабиринту тесных улочек, руководствуясь ворохом наставлений, полученных вчера от словоохотливой торговки.

Улица напоминала ущелье меж отвесных скал. Серый камень домов, теснящихся вплотную, нависал над Годелотом, не позволяя солнцу заглянуть в сумрачные глубины кварталов.

Сейчас отовсюду неся гвалт трудового утра. Мерный бой кузнечного молота задавал ритм, подхваченный щелчками и визгом ткацких станков, говором каких-то неведомых Годелоту инструментов и неумолчной какофонией голосов. Заблудшая свинья рылась в груде отбросов у крохотной лавчонки, нагруженные тележки то и дело прокатывались по щербатым камням, едва не впечатывая прохожих в замшелые стены.

Однако, пусть и неприглядный в своем дневном быту, Тревизо все же был приветливее, чем ночью. Вчерашнее возвращение в тратторию по стремительно пустеющим улицам, неверно освещенным чадящими там и сям масляными фонарями, по сию пору вызывало у Годелота невольное содрогание.

Наконец отыскалась оружейная мастерская, помещавшаяся в приземистом здании с подслеповатыми окнами. Толкнув дверь, Годелот оказался в просторном и шумном помещении, загроможденном множеством прелюбопытных вещей, которые в другое время охотно бы рассмотрел. Но к нему уже спешил дородный субъект в засаленной рубашке и кожаном фартуке. Это был хозяин мастерской Винченцо — весельчак, скупердяй и отчаянный сквернослов. С достоинством поклонившись и сквозь зубы рыча на нерасторопных подмастерьев, он повел покупателя к захламленному столу, выслушал заказ и начал сосредоточенно царапать на грязноватом листе торговую расписку, солидно морща лоб и втайне надеясь, что юнец не заподозрит его в малограмотности.

— Итак, тридцать пеньковых и тридцать жилых. Милости прошу... Что за прекрасный выбор! — Винченцо

частил, закатывал глаза, а сам недоумевал, зачем престарелому графу, в чьем тихом углу уже наверняка лет сто не расчехляли орудий, столько тетивы. Но граф был готов платить, а посему имел полное право на причуды. Оружейник заметил слегка скучающий вид визитера, доверительно наклонился к нему и с видом фокусника проговорил: — Моим изделиям равных нет по всей провинции Венето, я имел честь продать арбалет самому дожу. Я не скуплюсь на материалы, друг мой! Но это, заметьте, не все... — Негоциант многозначительно поднял брови. — У меня работает исключительного мастерства тетивщик. Руки сам Господь вылепил. Пожалуйте к нему, отберите товар, и вы будете вспоминать меня добрым словом долгие годы.

Кирасир едва сдержал смешок — ни одна тетива, будь она хоть феями сработана в сказочных куцах, не прослужит долгие годы. Что ж, всякий хозяин хвалит свой товар.

Годелот поклонился:

— Не желаете ли вы, мессер Винченцо, проследить за отбором и помочь мне советом?

Толстяк замахал руками:

— Я ручаюсь за каждое свое изделие, даже не глядя на него! Вон сидит мой мастер, берите любую его тетиву — и не ошибетесь.

Юноша проследил за его грязноватым указующим перстом и увидел темный угол, где чадила одинокая лампада. Скорбный лик Девы Марии смутно проглядывал сквозь сумрак, а под ним виднелась склоненная спина. Видимо, человек молился.

Годелот нерешительно двинулся в указанном направлении, не желая мешать молящемуся и стараясь ступать бесшумно. Но, подойдя поближе, он вдруг увидел в углу станок. А рядом невысокие козлы с уложенными в военном порядке готовыми тетивами. Неужели в этом мраке можно работать?